

Соловьиный сад у самого моря: к вопросу об ахматовском интертексте в поэме А. Блока «Соловьиный сад»

Tatiana Pakhareva

Кафедра мировой литературы и теории литературы
Факультет иностранной филологии
Украинский государственный университет имени Михайла Драгоманова
Киев, Украина
Department of World Literature and Literary Theory
Faculty of Foreign Philology
Mykhailo Dragomanov State University of Ukraine
Kyiv, Ukraine
E-mail: pakhareva67@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0718-7034>

Резюме. Статья преследует цель уточнения и дополнения картины поэтического диалога Анны Ахматовой и А. Блока зимой 1913–1914 г. Период интенсивного общения поэтов и их обмена взаимными посвящениями (««Красота страшна» – Вам скажут...» Блока и «Я пришла к поэту в гости...» Ахматовой) также является и временем начала работы Блока над «Соловьиным садом». В статье выявлены многочисленные переключки с лирикой «Вечера» и «Четок» преимущественно в черновых вариантах поэмы Блока, а также некоторые параллели с поэмой Ахматовой «У самого моря», создававшейся одновременно с «Соловьиным садом» и опубликованной за полгода до окончания работы Блока над своей поэмой. Источниками выявленных переключек являются, в основном, те стихотворения Ахматовой, которые отмечены маргиналиями Блока на экземпляре «Четок», полученном им от Ахматовой весной 1914 г., что позволяет предположить неслучайность возникновения целого ахматовского интертекстуального поля в ранних вариантах «Соловьиного сада». Однако большинство образных и интонационно-синтаксических совпадений с ахматовскими стихами не вошло в окончательный текст «Соловьиного сада», так что в итоге процесс работы Блока над поэмой наглядно фиксирует как динамику и внутреннюю логику его выхода из едва начавшегося активного поэтического диалога с Ахматовой, так и ощутимо большую, чем было принято считать до сих пор, степень изначальной включенности Блока в этот диалог.

Ключевые слова: Ахматова, Блок, «Соловьиный сад», поэтический диалог, интертекст, мотив.

Nightingale Garden near the Sea: on the Question of Akhmatov's Intertext in A. Blok's poem *Nightingale Garden*

Abstract. The article aims to clarify and supplement the picture of the poetic dialogue between Anna Akhmatova and A. Blok in winter 1913–1914. The period of intense communication between the poets and their mutual dedications exchange (“*Beauty is terrible*” – *you will be told ...* by Blok and *I came to the poet visit ...* by Akhmatova) is

Received: 13/02/2023. Accepted: 16/04/2023

Copyright © 2023 Tatiana Pakhareva. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

also the time when Blok began work on *Nightingale Garden*. The article reveals numerous overlaps with the lyrics of *Evening* and *Rosary* mainly in draft versions of Blok's poem, as well as some parallels with Akhmatova's poem *Near the Sea*, created simultaneously with *Nightingale Garden* and published six months before the end of Blok's work on his poem. The sources of the identified overlaps are mainly those poems of Akhmatova that are marked by Blok's marginalities on a copy of the *Rosary*, which he received from Akhmatova in spring 1914. Everything above mentioned suggests that the whole Akhmatova's intertextual field that appeared in the early versions of the *Nightingale Garden* is nonrandom. However, the majority of the figurative and intonational-syntactic coincidences with the Akhmatova's poems were not included in the final text of the *Nightingale Garden*, so as a result, the process of Blok's work on the poem clearly captures both the dynamics and internal logic of his exit from a fledgling, but active poetic dialogue with Akhmatova, and a significantly greater degree of the Blok's initial involvement in this dialogue than has been assumed until now.

Keywords: Akhmatova, Blok, "Nightingale Garden", poetic dialogue, intertextuality, motif.

Lakštingalų sodas prie jūros: apie Achmatovos intertekstą A. Bloko poemoje „Lakštingalų sodas“

Santrauka. Straipsnyje patikslinami ir papildomi Anos Achmatovos ir Aleksandro Bloko poetinio dialogo ypatumai 1913–1914 m. Poetų susitikimų bendravimo ir apsikeitimo abipusėmis dedikacijomis periodas paženklino Bloko poemos „Lakštingalų sodas“ kūrimo pradžią. Straipsnyje atskleidžiama nemažai paralelių tarp Bloko daugiausia juodraštinų poemos variantų ir Achmatovos rinkinių „Vakaras“ ir „Rožinis“, taip pat parodomas kai kurios paralelės su Achmatovos poema „Prie jūros“, kuri buvo kuriama tuo pat metu, kaip ir „Lakštingalų sodas“ ir buvo paskelbta likus pusmečiui iki Blokui pabaigiant kurti savo poemą. Poetinių sąsajų šaltinis – daugiausiai Achmatovos eilėraščiai, kuriuos Blokas pažymėjo „Rožinis“ egzemplioriuje, gauto iš poetės 1914 m. Tai leidžia numanyti, kad intertekstualus Achmatovos laukas neatsitiktinai atsirado ankstyvuosiuose „Lakštingalų sodo“ variantuose. Tačiau daugelis vaizdinių, intonacinių ir sintaktinių sutapimų su Achmatovos eilėrašciais neįėjo į galutinį poemos tekstą, tad Bloko darbo procesas ties poema galiausiai vaizdžiai parodo tiek dinamiką ir vidinę jo išėjimo iš poetinio dialogo su Achmatova logiką, tiek didesnį, nei buvo manoma iki šiol, pradinį Bloko įsitraukimą į šį dialogą.

Reikšminiai žodžiai: Achmatova, Blokas, „Lakštingalų sodas“, poetinis dialogas, intertekstualumas, motyvas.

Говоря об интертекстуальном диалоге А.А. Ахматовой и А.А. Блока, исследователи обычно выявляют разнообразные формы и степени присутствия блоковского слова в слове Ахматовой, а также наличие явных и подспудных оснований для включения Блока в число прототипов героя ее лирики. Много сказано, в том числе, и о блоковском цитатном слое в поэме «У самого моря», и о Блоке как «царевиче» в ней (Бурдина, 2013; Жирмунский, 1977; Мусатов, 2007; Топоров, 1981 и др.). Однако в исследованиях темы «Ахматова и Блок», в каком бы аспекте они ни разрабатывались, чаще всего речь идет не столько о диалоге поэтов, сколько об односторонней ахматовской поэтической рефлексии по поводу их личных и творческих отношений, тогда как Блок остается скорее объектом этой рефлексии, нежели активным участником диалога. Такое положение вещей отметил еще в 1987 г. В. А. Черных: «Почти совершенно не изученным остается чрезвычайно интересный вопрос, отразился ли образ Ахматовой в поэзии Блока (помимо посвященного ей в декабре 1913 г. мадригала)» (Переписка Блока с А. А. Ахматовой, 1987, с. 574), и с тех пор наиболее значительным вкладом в разработку этого вопроса можно считать те главы монографии об Ахматовой В. В. Мусатова, которые посвящены ахматовско-блоковскому поэтическому диалогу (Мусатов, 2007). Однако тема присутствия образа Ахматовой и слова Ахматовой в поэтическом мире Блока далека от исчерпания. Однонаправленность изучения ахматовско-блоковского интертекста была весомо обоснована

в работе В. Н. Топорова «Ахматова и Блок», где исследователь констатирует, что после публикации в первом номере за 1914 г. журнала «Любовь к трем апельсинам» взаимных посвящений Блока и Ахматовой «текст Блока оказался закрытым», так что

встала проблема продолжения диалога. Она была решена, если говорить в самых общих чертах, путем формирования актуального текста Блока через его синтезирование из элементов блоковской поэзии, отраженных в поэзии Ахматовой, и путем создания ахматовской части диалога, «подстроенной» к синтезированной вышеуказанным способом блоковской части диалога.

(Топоров, 1981, с. 34)

Представляется, что процесс сворачивания блоковского участия в поэтическом диалоге с Ахматовой можно проследить более детально, в результате чего степень его закрытости предстанет не столь абсолютной. Для этого имеет смысл обратиться, прежде всего, к текстам, создававшимся в период наиболее активного общения между поэтами, начиная с декабря 1913 г. и до лета 1914 г., где маркером окончательного самоустранения Блока из этого диалога может служить его известная запись от 9 июля: «Меня бес дразнит. – Анна Ахматова в почтовом поезде» (Блок, 1965, с. 234).

Обозначенный период – первая половина 1914 г. – является временем создания ранних редакций начальных глав и прозаического наброска сюжета «Соловьиного сада», и в этих текстах, а также в контекстном окружении близких к ним по времени написания блоковских стихов, как представляется, могут приоткрыться внутренняя логика и динамика стремительного выхода поэта из диалога с Ахматовой.

Итак, начало работы Блока над его поэмой приходится на январь 1914 г., на дни, отмеченные интенсивным личным и творческим общением двух поэтов: наброски 1 и 2 глав будущего «Соловьиного сада» датированы 6 января – через три недели после визита Ахматовой и написанных в день этого визита мадригала «Красота страшна, – Вам скажут...» и «О, нет, не расколдуешь сердца ты...»¹ – и за день до получения ахматовского письма с благодарностью за книги, со стихотворением «Я пришла к поэту в гости...» и сопровождающим его пожеланием: «...хочу для Вас радости» (Переписка Блока с А. А. Ахматовой, 1987, с. 577). В промежутке между

¹ О наличии ахматовского адресатного слоя в этом стихотворении писал В. Н. Топоров (Топоров, 1981, с. 41–45); о его связи с мадригалом также напомнил В. А. Черных (Переписка Блока с А. А. Ахматовой, 1987, с. 574–575); далее анализ этого стихотворения в русле, проложенном Топоровым и Черных, с подключением более широкого контекста продолжен в книге В. В. Мусатова (Мусатов, 2007, с. 146–149). В развитие тезиса о включенности этого текста в блоковско-ахматовский диалог в качестве своеобразного ответа на «О нет, не расколдуешь сердца ты...», как представляется, может быть рассмотрена и поэма Ахматовой «У самого моря»: «Ахматовская поэма, начатая летом того же года, звучит до известной степени ответом, причем, полемическим, на это стихотворение. Стихотворение Блока начинается с декларативного утверждения: “О нет! не расколдуешь сердца ты / Ни лестию, ни красотой, ни словом”... Ахматовская же героиня получает от цыганки правдивое обещание: “Ни красотой твоей, ни любовью, – / Песней одного гостя приманишь”.... И далее эта песня, действительно, “приманивает” и в итоге губит царевича, к безмерному горю ее сочинительницы. Блоковской триаде “лесть, красота, слово” противопоставлена триада “красота, любовь, песня”, причем первые два ее компонента, как и у Блока, бессильны “расколдовать сердце”, а третий – слово, песнь – утверждается как могучая и необорная сила, которой равно подвластны и тот, в ком она живет, и тот, на кого она воздействует извне» (Пахарева, 2021, с. 236). На эту же корреляцию строк стихотворения Блока и поэмы Ахматовой обратила внимание И. Барсэл: (Барсэл, 2021, с. 167–168).

этими событиями был еще неудачный визит Блока с надписанными для Ахматовой книгами к ней домой. В своем письме от 6 (7?) января Ахматова сообщает о досадной путанице, послужившей причиной их «невстречи» и отсрочки получения ею блоковских святочных даров: «Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спутали номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом» (там же, с. 576). Блок в письме от 18 января «оправдывается»: «Простите меня, что перепутал № квартиры, я боялся к Вам звонить и передал книги дворнику» (там же, с. 577). Эта «боязнь», возможно, демонстрирует не только общеизвестную деликатность Блока, боявшегося потревожить своим неурочным визитом, но и то напряжение, которое сопровождает все моменты общения поэтов, зафиксированное и ими самими в письмах и записных книжках, и теми, кто наблюдал их общение со стороны². Характерно совпадение ситуаций: в день получения «Четок» от Ахматовой, 25 марта 1914 г., уже влюбленный в Л. А. Дельмас Блок записывает о передаче посвященных певице стихов: «Я отдал стихи через швейцара» (Блок, 1965, с. 218). Чередование упоминаний об Ахматовой и о «ней» в этой записи весьма выразительно, словно новая любовь по смутной «зеркальной» ассоциации сопрягается с Ахматовой. Во всяком случае, боязнь позвонить в дверь Ахматовой и передача ей своих книг через дворника в январе и смятение в каждом слове о Дельмас и на его фоне передача посвященных ей стихов через швейцара в конце марта образуют слишком выразительную ситуативную рифму, чтобы пройти мимо нее.

Это напряжение в связи с Ахматовой, вероятно, связано со сложной и глубоко отрефлексированной обоими в творчестве эмоцией притяжения-отталкивания, драматургия которой в биографическом и творческом поле точно и тонко проанализирована В. В. Мусатовым (Мусатов, 2007). И боязнь позвонить в ее дверь, упомянутая в письме, резонирует с аналогичной эмоцией героя «Соловьиного сада», отраженной в ранних черновиках поэмы и существенно приглушенной в ее окончательной редакции. Строчки: «Как бы в дверь соловьиного сада / Постучаться, и можно ль войти?» (Блок, 1997, с. 161) – на раннем этапе работы над поэмой подвергались неоднократному редактированию, причем, среди ранних вариантов был такой: «Можно ль в дверь соловьиного сада / Постучаться и надо ль войти?» (там же, с. 479). Если ставший окончательным вариант – «можно ль» – акцентирует коллизию взаимности, то более ранний обращает к внутренней коллизии колебаний самого героя и его сомнений в «нужности» этой страсти, тем самым усиливая мотив соблазна и попытки ему противостоять и резонируя с аналогичным настроением записи о встрече с Ахматовой 9 июля («Меня бес дразнит»). Призывное «кружение и пенье», так же, как и тихий смех за решеткой сада, дразнящий героя, тоже, в таком случае, включаются

² Запись от 30 марта 1920 г. в дневнике К. И. Чуковского: «Мы встретили ее и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из “Всемирной”. Первый раз вижу их обоих вместе... Замечательно – у Блока лицо непроницаемое – и только движется все время, зыблется, “реагирует” что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа возле носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано много» (Чуковский, 2011, с. 293).

в поле «соблазна» той красотой, которая «страшна» и которую Блок попытался и утверждать, и отрицать в Ахматовой в своем «мадригале» к ней (напомним также о черновом варианте мадригала со строчкой: «Кругом твердят: “Вы – демон, Вы – красивы”») [там же, с. 362]). Подводным течением этого послания становится, таким образом, попытка «заговаривания» этой страшной красоты, умиротворения «черной крови»³. Страх героя как мотивировка его бегства из соловьиного сада фигурирует и в прозаическом черновом наброске продолжения поэмы: «Он услышит чужой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы и задумается о том, что счастью тоже надо учиться» (там же, с. 479)⁴. Этот страх особенно явственно слышится в повторяющейся в ранних черновиках и исчезнувшей из позднейших редакций реплике героя в момент стояния перед пока еще закрытой дверью сада: «Помоги мне десница Господня!» (вариант: «Будь со мною десница Господня!») [там же, с. 484]). Отметим, поддерживая концепцию Топорова о «подстраивании» позднейших ахматовских реплик в диалоге с Блоком под его реплики, что мотив страха перед счастьем позднее пристально анализируется Ахматовой в связи с Пушкиным и его настроениями накануне женитьбы; учитывая такую особенность биографического метода Ахматовой, как проецирование биографии исследуемого на свою собственную, можем предположить, что в подтексте ее пушкинских штудий содержится, в числе прочего, и ретроспективная рефлексия по поводу ее собственных отношений с Блоком, следы которых в его лирике зимы-весны 1914 г. и в «Соловьином саде» наиболее утешительным для Ахматовой образом могли бы интерпретироваться в логике отказа от любви из страха перед «чуждым» счастьем.

В марте 1914 г. Ахматова дарит Блоку экземпляр только что вышедших «Четок» с надписью: «От тебя приходила ко мне тревога / И уменье писать стихи» (Переписка Блока с А. А. Ахматовой, 1987, с. 573), – и в ответном письме Блок, благодаря ее, делает жест, который ощущается как грубость, вызванная уже совершенно по-иному обусловленным в это время для Блока нежеланием сближения. Он пишет Ахматовой, что сразу, не читая, отдал книгу своей матери, которая отзывается о ней очень похвально. Через четыре дня после этого, 29 марта, Александра Андреевна пишет об Ахматовой в письме к М. П. Ивановой:

Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. – Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит.

(Блок в неизданной переписке 1982, с. 431)

³ На связь одноименного цикла Блока с темой «Ахматова – Блок» указывал В. Н. Топоров, развивая свои мысли, впрочем, в сторону концепции позднейшего «подстраивания» Ахматовой «своей партии» к голосу Блока в моделируемом ею *post factum* диалоге (Топоров, 1981, с. 80–87).

⁴ Разумеется, эта мотивировка не является единственной, а скорее предстает обортоном по отношению к основной коллизии отречения от счастья во имя долга, детально проанализированной Д. Е. Максимовым и И. С. Приходько как в контексте поэзии самого Блока, так и в контексте мировой литературной традиции (Максимов, Приходько, 1987).

Можно предположить, что процитированные слова косвенно свидетельствуют о том, что мать Блока, действительно, сразу внимательно прочитала эту книжку и спроецировала ее психологический мир на пространство отношений сына с молодой поэтессой. Но далее в черновиках «Соловьиного сада» появляются строки о героине, которые словно вторят материнской «характеристике» Ахматовой, однако, вероятнее, свидетельствуют о том, что мнение матери о прекрасной и несчастной молодой поэтессе было сформировано со слов сына, который «посвятил мать в тайну их отношений» (Мусатов, 2007, с. 105):

*И была она вправду прекрасна,
Лучше, чем в его нищей мечте.
И была непонятно несчастна
В беспокойной своей красоте.*
(Блок, 1997, с. 485)

С ахматовским образом, обрисованным в письме матери Блока, видимо, под влиянием сына, резонирует и такая деталь в «Соловьином саде», как протянутые руки. В окончательном тексте: «Их шипы, точно руки из сада, / Уцепились за платье мое» (Блок, 1997, с. 163), в черновиках: «Только розы, как руки из сада, / Уцепились за платье его»; «Иглы роз, точно руки из сада, / Уцепились за платье его»; «Стебли роз, как молящие руки» и «Иглы роз, как молящие руки» (там же, с. 488). Протянутые руки встречаются и в «О, нет! не расколдуешь сердца ты...»: «Как иступленно ты протянешь руки / В глухую ночь, о, бедная моя!» (там же, с. 103). И если продолжить тему ахматовских ретроспекций, то, возможно, эти руки дотянулись позднее и до ее «Сонета-эпилога» («Не пугайся, я еще похожей...») 1962 г., где и мотив испуга героя («не пугайся»), и упоминание о тени («Тень твою зачем-то берегу» (Ахматова, 2000, с. 422) (ср. у Блока: «И тень моя пройдет перед тобою»), и «протянутые руки» возвращают к охваченному страхом и бегущему от любви герою «Соловьиного сада» и к восставшей перед героиней тени героя «О, нет! Не расколдуешь...». Кроме того, в момент, когда создавалось «Не пугайся, я еще похожей...», Ахматовой уже было известно и письмо А. А. Кублицкой-Пиоттук, где говорится о том, что Ахматова «протягивает руки» к отвергающему ее любовь Блоку⁵. Наконец, о «тени» Блока в ахматовском Энее может косвенно свидетельствовать и ее воспоминание о «древнеримской» внешности Блока: «У него была красная шея римского легионера» (Козловская, 1991, с. 391).

Однако если вернуться к теме блоковской поэтической рефлексии по поводу Ахматовой, то представляется, что следы не только ее образа, но и чтения Блоком «Четок» можно обнаружить в нескольких местах, по преимуществу, ранних редакций «Соловьиного сада». Комментируя пометы Блока на том самом подаренном ему экземпляре «Четок», В. В. Мусатов указывает на то, что блоковское «внимание привлекли два стихотворения с одинаковым мотивом добровольного отказа от

⁵ Негодующий комментарий к этому письму записан Ахматовой в августе 1965 г., но она говорит в этой записи, что письмо ей «читали несколько лет тому назад» (Записные книжки Анны Ахматовой, 1996, с. 671).

намечающейся любовной ситуации: «Не будем пить из одного стакана...» и «Я с тобой не стану пить вино...» (Мусатов, 2007, с. 154). В контексте сказанного выше о мотиве страха и отказа от любви в черновых редакциях блоковской поэмы можем предположить, что эти же мотивы были выделены Блоком в «Четках» как резонирующие не только с его настроением зимы 1914 г., но и с мотивами намечающейся поэмы – и возможно, что смысловая переоркестровка этих мотивов в окончательной ее редакции связана со стремлением Блока нейтрализовать то, что может восприниматься как переключки с Ахматовой в поэме, героиня которой в период завершения работы уже ассоциируется с другим адресатом.

С еще одним стихотворением, вошедшим в число воспроизведенных в «Четках» стихов из «Вечера», возникает переключка поэмы Блока по линии мотива любовного «плена» героя, опоенного в саду волшебным вином. Это отмеченное Блоком двумя кружками на его экземпляре «Четок» стихотворение «Любовь покоряет обманно...», где с героем «Соловьиного сада», плененного и опоенного любовью в саду, соотносятся строки: «Был светел ты, взятый ею / И пивший ее отравы» (Ахматова, 2000, с. 10). Данная переключка усиливается не только благодаря сходству коллизии, в целом восходящей к многочисленным мифологическим и литературным вариациям мотивов «любовного напитка» и «любовного плена»⁶, но и благодаря употреблению Блоком глагола «взять», подчеркивающего «страдательную» роль героя в саду, «взятого», как и в ахматовском стихотворении, в любовный плен: «Взяли душу мою соловьи» (Блок, 1997, с. 162).

В «Любовь покоряет обманно...» привлекает внимание и упоминание о седине героя, вызванной его любовными переживаниями: «Еще так недавно-странно / Ты не был седым и грустным» (Ахматова, 2000, с. 9). В черновых редакциях «Соловьиного сада» тоже присутствует упоминание о седине героя после его возвращения из сада. У Блока эта деталь, казалось бы, должна была подчеркнуть смысл, бесспорно доминирующий в финале окончательной редакции поэмы, – особое течение времени в колдовском саду, не совпадающее со временем «земным», в силу чего время пребывания героя там, казавшееся ему совсем недолгим, на самом деле насчитывает десятилетия, так что и дом его исчез, и лом заржавел⁷. Однако смысл строфы черновика, где говорится о седине героя, скорее ближе ахматовскому – ранняя седина, вызывающая недоуменный вопрос о ее происхождении, связана с драматичным любовным опытом героя, указание на который и содержится в его ответе на вопрос о седине:

*Отчего твои волосы седы,
Отчего твои руки в крови
Ты изведal < > беды?
– Я изведal объятья любви.
(Блок, 1997, с. 489)*

⁶ См. о соответствующих претекстах «Соловьиного сада»: (Лавров, 2000).

⁷ Такого толкования этой детали, в частности, придерживаются комментаторы ПСС. См.: (Блок, 1997, с. 892).

Мотив ранней драматичной седины в «Четках» прослеживается в целом довольно регулярно: в сочетании с образом соловья он встречается в еще одном стихотворении «Четок», отмеченном Блоком, – «Как вплелась в мои темные косы...» (Ахматова, 2000, с. 67); «поседели... волосы» той, к кому обращается героиня также отмеченного пометами Блока «Я пришла тебя сменить, сестра...» (Ахматова, 2000, с. 67); наконец, «за ночь одну... стала седой» королева в «Сероглазом короле» (Ахматова, 2000, с. 29), Блоком, очевидно, воспринимавшемся, как обращенное к нему стихотворение (во всяком случае, в своем письме к Ивановой мать Блока цитирует начало «Сероглазого короля» в контексте разговора о влюбленности Ахматовой в Блока). Не исключено, что аналогичная седина героя «Соловьиного сада» исчезла не только в силу смыслового несовпадения с выбранным поэтом вариантом финала, но и после того, как обилие подобных седин было обнаружено Блоком в «Четках».

В строфе черновика, содержащей вопрос к герою о его седине, ахматовским эхом звучит и ее интонационно-синтаксическая организация в форме драматично напряженного диалога – в частности, у Ахматовой ближе всего не только по интонационно-синтаксическому рисунку, но и по смыслу к этой блоковской строфе начало «Сжала руки под темной вуалью...»: «Отчего ты сегодня бледна?» / – Оттого, что я терпкой печалью / Напоила его допьяна» (Ахматова, 2000, с. 10). Эту легко уловимую ухом переключку (вероятнее всего, случайную), – так же, как и реплику: «Помоги мне десница Господня!» (Блок, 1997, с. 484), не менее ощутимо созвучную ахматовскому восклицанию «Христос, помоги!» из стихотворения «Столько просьб у любимой всегда...» (Ахматова, 2000, с. 50) – Блок мог также убрать из окончательного текста как свидетельство того, что сама Ахматова в другом отмеченном Блоком стихотворении «Четок» обозначила: «В твоих стихах мое дыханье веет» (Ахматова, 2000, с. 49).

Логику ухода от нежелательных ассоциаций можно усмотреть и в отказе от фрагмента черновых набросков «Соловьиного сада», содержащего переключку уже не со стихами «Четок», а с «У самого моря». Таким фрагментом представляется тот, где речь идет о слухах, что герой утонул, причем сообщает о них в одном из вариантов текста некий старик, вызывающий ассоциацию со стариком ахматовской поэмы, который шарит по дну в поисках утонувшего царевича:

*Старик равнодушно взглянул
И сказал: – Был здесь прежде рабочий,
Только он, говорят утонул*
(Блок, 1997, с. 489)

Ахматовскую подоплеку можно усмотреть в этих отвергнутых Блоком строках лишь при допущении, что он был знаком с текстом «У самого моря» до завершения работы над своей поэмой, что не очевидно, но вполне вероятно. «У самого моря» вышла в мартовском номере «Аполлона» за 1915 г. и была отправлена Ахматовой Блоку 27 апреля. Остается неясным, когда он прочитал поэму, поскольку его почти на год запоздавшее ответное письмо от 14 марта 1916 г. позволяет исследователям допускать как его промедление с ответом, так и задержку отсылки поэмы Ахматовой

(Жирмунский, 1977, с. 331; Мусатов, 2007, с. 172), но не стоит исключать и того, что Блок мог и сам прочесть «У самого моря» в «Аполлоне» до окончания собственной работы над «Соловьиным садом», датированного 14 октября 1915 г. (Блок, 1965, с. 268), а с ответом Ахматовой на посылку поэмы медлил в силу причин, гадать о которых не имеет смысла.

В заключение нужно отметить, что явные и неявные переключки-совпадения «Соловьиного сада» с «Четками» и «У самого моря» сохранились и в окончательном тексте поэмы. К таковым относятся, на наш взгляд, упоминание об открытых для героя дверях: «Ах, дверь не запирала я» (Ахматова, 2000, с. 22), – и, соответственно: «Не стучал я – сама отворила / Неприступные двери она» (Блок, 1997, с. 162), а также употребление формулы «сердце знает»: «Но сердце знает, сердце знает, / Что ложа пятая пуста» (Ахматова, 2000, с. 71), – и: «Сердце знает, что гостем желанным/ Буду я в соловьином саду» (Блок, 1997, с. 161).

Но, наверное, наиболее существенный фактор, который создает почву для резонанса между поэмой Блока и ахматовскими лирикой «Вечера» и «Четок» и поэмой «У самого моря», – это то стремление к «простоте» и «прозаичности», которое Блок испытывает, приступая к написанию «Соловьиного сада» и записывая на одном из самых ранних черновых набросков: «Сделать бы из этого “рассказ в стихах”...» (Блок, 1997, с.475). Вскоре после этого читая «Четки»,

на ряде... страниц книги Блок внимательно отметил такие строки..., которые представляют специфическую особенность нового, «ахматовского», стиля, – стиля, во многом противоположного романтической манере самого Блока, – точного, вещественного, раскрывающего за неожиданной реалистической подробностью психологическую глубину простого и подлинного человеческого чувства.

(Жирмунский, 1977, с. 330)

Мир «Соловьиного сада» словно совмещает обе противоположные стилистики – и романтическую, и реалистическую, которые соответственно оформляют «двоемие» блоковской поэмы⁸. Мир земной, трудовой жизни блоковского героя насыщен «по-ахматовски» точными, реалистическими и даже намеренно «прозаичными» деталями (ср. у нее: «И везут кирпичи за оградой» (Ахматова, 2000, с. 14), у Блока: «Я ломаю слоистые скалы», «Донесем до железной дороги, / Сложим в кучу» (Блок, 1997, с. 159); или: «Затянулся ржавой тиной / Пруд широкий» (Ахматова, 2000, с. 21), – и: «...лом, / Тяжкий, ржавый, под черной скалою / Затянувшийся мокрым песком» (Блок, 1997, с. 163); или: «Ноги ей щекоют крабы, / Выползая на песок» (Ахматова, 2000, с. 30), – и: «Закарабкался краб всполохнутый / И присел на песчаной мели» [Блок, 1997, с. 163]).

Представляется, что образно-интонационный ахматовский пласт, выявленный в «Соловьином саде», и обилие, видимо, преимущественно непреднамеренных

⁸ О не противопоставленности, а исключаящей выбор в пользу чего-то одного трагической «неслиянности» противоположных начал «счастья» и «долга», «поэзии» и «правды» в художественном мире «Соловьиного сада» см.: (Колобаева, 2015).

перекличек черновых редакций блоковской поэмы со стихами Ахматовой позволяют говорить о том, что ахматовское присутствие в художественном мире Блока на глубинном уровне было гораздо более существенным, чем это демонстрируют эксплицированные реплики Блока в их общеизвестном поэтическом диалоге, в котором поэт внешне до конца выдержал предложенную ему в ахматовском поэтическом послании 1914 г. роль «хозяина молчаливого».

Литература

- Ахматова, А., 2000. *Собрание сочинений*: В 6 т. Т. 4. *Книги стихов* / Сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Королевой. Москва: Эллис Лак.
- Барсэл, И., 2021. Как у Александра Блока не было романа с Ахматовой. *Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966)* / Отв. ред. Г.В. Петрова. Москва: Азбуковник. DOI: 1031860/978-5-91172-216-6-152-177.
- Блок, А., 1965. *Записные книжки. 1901–1920*. Москва: Худ. литература, 1965.
- Блок, А., 1997. *Полное собрание сочинений и писем*: В 20 т. Т. 3. Москва: Наука.
- Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921), 1982. *Александр Блок. Новые материалы и исследования*. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. Москва: Наука, с. 153–539.
- Бурдина, С.В., 2013. «От тебя приходила ко мне тревога...»: блоковский контекст поэмы А. Ахматовой «У самого моря». *Вестник Пермского университета*, 2(22), с. 119–125.
- Жирмунский, В.М., 1977. Анна Ахматова и Александр Блок. *Жирмунский В.М. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука, с. 323–354.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*, 1996. Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки, указатели В.А. Черных. Москва–Torino: Giulio Einaudi editore.
- Козловская, Г.Л., 1991. «Мангалочий дворик...». *Воспоминания об Анне Ахматовой: Сборник* / Сост. В.Я. Виленкин, В.А. Черных; коммент. А.В. Курт, К.М. Поливанова. Москва: Советский писатель, с. 378–400.
- Колобаева, Л.А., 2015. Трагедия «неслиянности» в поэзии А. Блока: или – или... (Поэма «Соловьиный сад»). *Колобаева Л.А. От А. Блока до И. Бродского (О русской литературе XX века)*. Москва: Русский импульс, с. 47–51.
- Лавров, А.В., 2000. «Соловьиный сад» А. Блока. Литературные реминисценции и параллели. *Лавров А.В. Этюды о Блоке*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, с. 230–253.
- Максимов, Д.Е., Приходько, И.С., 1987. Сюжет поэмы А. Блока «Соловьиный сад» и его истоки (К проблеме мифотворчества поэта). *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. Т. 46, № 6, с. 510–528.
- Мусатов, В.В., 2007. «В то время я гостила на земле...». *Лирика Анны Ахматовой*. Москва: Словари.ру.
- Пахарева, Т.А., 2021. Интертекстуальный диапазон поэмы Анны Ахматовой «У самого моря». *Животворне світло слова: збірник наукових студій пам'яті докторки філологічних наук Наталії Ростиславівни Мазепи*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, с. 234–240.
- Переписка Блока с А.А. Ахматовой, 1987. Предисловие и публикация В.А. Черных. *Александр Блок. Новые материалы и исследования*. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. Москва: Наука, с. 571–577.
- Топоров, В.Н., 1981. *Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский текст Ахматовой)*. Berkeley.
- Чуковский, К.И., 2011. *Дневник*: В 3 т. Т. 1: 1901–1921. Москва: ПРОЗАИК.

References

- Akhmatova, A., 2000. *Sobranie sochinenii*: V 6 t. T. 4. *Knigi stikhov* / Sost., podgot. teksta, komment. N.V. Korolevoi. [Collection of works: In 6 vol. Vol. 4. Poetry books / Compilation, preparation of the text, comment, article by N.V. Korolyova]. Moscow: Ellis Lak Publ.

- Barsel, I., 2021. Kak u Aleksandra Bloka ne bylo romana s Akhmatovoi. [How Alexander Blok did not have an affair with Akhmatova]. In: G.V. Petrova, ed. *Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniya. Anna Akhmatova (1889–1966)*. [Russian poets of the 20th century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)]. Moscow: Azbukovnik Publ., pp. 152–177. DOI: 1031860/978-5-911172-216-6-152-177.
- Blok, A., 1965. *Zapisnye knizhki. 1901–1920*. [Notebooks. 1901–1920]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ.
- Blok, A., 1997. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 3*. [Complete collection of works and letters: In 20 vol. Vol. 3]. Moscow: Nauka Publ.
- Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921), 1982. [Blok in unpublished correspondence and diaries of his contemporaries (1898–1921)]. In: *Aleksandr Blok. Nove materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo*. T. 92/3. [Alexander Blok. New materials and research. Literary heritage. Vol. 92/3]. Moscow: Nauka Publ., pp. 153–539.
- Burdina, S.V., 2013. “Ot tebya prikhodila ko mne trevoga...”: blokovskii kontekst poemyy A. Akhmatovoi “U samogo moray”. [“Anxiety came to me from you ...”: Blok’s context of A. Akhmatova’s poem “Near the sea”]. In: *Vestnik Permskogo universiteta*. [Bulletin of the Perm University], 2(22), pp. 119–125.
- Chukovskii, K.I., 2011. *Dnevnik: V 3 t. T. 1: 1901–1921*. [Diary: In 3 vol. Vol. 1: 1901–1921]. Moscow: PROZAIK Publ.
- Kozlovskaya, G.L., 1991. “Mangalochii dvorik...” [“Mangalochy courtyard...”]. In: *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi: Sbornik*. [Memories of Anna Akhmatova / Compiled by V.Ia. Vilenkin, V.A. Chernykh; comment. by A.V. Kurt, K.M. Polivanov]. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ., pp. 378–400.
- Kolobaeva, L.A., 2015. Tragediya “nesliyanosti” v poezii A. Bloka: ili – ili... (Poema “Solov’inyi sad”). [The tragedy of “discontinuity” in the poetry of A. Blok: either – or ... (The poem “The Nightingale Garden”)]. In: Kolobaeva L.A. *Ot A. Bloka do I. Brodskogo (O russkoi literature XX veka)*. [From A. Blok to I. Brodsky (On Russian Literature of the 20th Century)]. Moscow: Russkii impul’s Publ., pp. 47–51.
- Lavrov, A.V., 2000. “Solov’inyi sad” A. Bloka. Literaturnye reministsentsii i paralleli. [“Nightingale Garden” by A. Blok. Literary reminiscences and parallels]. In: Lavrov A.V. *Etyudy o Bloke*. [Essays about Blok]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., pp. 230–253.
- Maksimov, D.E., Prikhod’ko, I.S., 1987. Syuzhet poemyy A. Bloka “Solov’inyi sad” i ego istoki (K probleme mifotvorchestva poeta). [The plot of A. Blok’s poem “The Nightingale Garden” and its origins (On the problem of the poet’s myth-making)]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. 46. № 6. [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series. Vol. 46, No 6], pp. 510–528.
- Musatov, V.V., 2007. “V to vremya ya gostila na zemle...”. *Lirika Anny Akhmatovoi*. [“At that time I was staying on earth...”. Lyrics by Anna Akhmatova]. Moscow: Slovare.ru Publ.
- Pakhareva, T.A., 2021. Intertekstual’nyi diapazon poemyy Anny Akhmatovoi “U samogo morya”. [Intertextual range of Anna Akhmatova’s poem “Near the sea”]. In: *Zhivotvorne svitlo slova: zbirnik naukovikh studii pam’ yati doktorki filologichnikh nauk Natalii Rostislavivni Mazepi*. [Lifetime light of the word: collection of science studies in memory of Doctor of Philology Natalia Rostislavivna Mazepa]. Kyiv: Vidavniczii dim Dmitra Burago Publ., pp. 234–240.
- Perepiska Bloka s A.A. Akhmatovoi, 1987. [Block’s correspondence with A.A. Akhmatova]. In: *Aleksandr Blok. Nove materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo*. T. 92/4. [Alexander Blok. New materials and research. Literary heritage. Vol.92/4]. Moscow: Nauka Publ., pp. 581–587.
- Toporov, V.N., 1981. *Akhmatova i Blok (k probleme postroeniya poeticheskogo dialoga: “blokovskii” tekst Akhmatovoi)*. [Akhmatova and Blok (on the problem of constructing a poetic dialogue: “Blok’s” text by Akhmatova)]. Berkeley.
- Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*, 1996. [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966). / Compilation and preparation of the text by K.N. Suvorova; foreword by E.G. Gershtein; academic consulting, indexes by V.A. Chernykh]. Moscow–Torino: Giulio Einaudi editore.
- Zhirumskii, V.M., 1977. Anna Akhmatova i Aleksandr Blok. [Anna Akhmatova and Alexander Blok]. In: Zhirumskii V.M. *Izbrannye trudy. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika*. [Selected works. Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 323–354.